

адвоката В. О. Гаркави. Розанов считал Гольдовского своим «духовным сыном». Летом 1885 года студент историко-филологического факультета Московского университета Гольдовский приехал в Нижний Новгород. Он читал корректуру книги Розанова «О понимании» и отдавал на комиссию книгу в московские магазины. В письме из Ельца, написанном осенью 1887 года, т. е. после разрыва с Сусловой, Розанов говорит о жестокой обиде, нанесенной его жене Гольдовским: «Вы знаете, Стаха, что я люблю свою жену; я говорил Вам прежде в письмах, что без нее для меня жизнь становится невыразимым бременем, Вы же это знали и знаете, и между тем, расстроили своими письмами нашу семейную жизнь, разъединив нас, спокойно и холодно смотрите на наши страдания. Горе, которое Вы причинили нам, так неизмеримо больше того, что Вы сделали для меня, что позволительно, кажется, забыть Ваши услуги и прежнее расположение ко мне. <...> Извините, но воспоминание о Вас делается для меня все более и более ненавистным. <...> Вы так жестоко сами обидели мою жену. <...> Мне отвратительна теперь всякая мысль о Вас» (Сукач В. Г. Летопись жизни и творчества В. В. Розанова (1879–1887) // Энтелехия. 2004. № 9 (54). С. 30). Сохранилось письмо Сусловой к Гольдовскому: «Г<осподи>н Гольдовский! Посылаю Вам части Ваших писем к В<асилию> Вас<ильевичу>, из которых видно, что Ваши уверения в сочувствии мне лживы, что я стою так сказать *на почве фактов* и потому недостаточно с Вашей стороны сказать в свое оправдание: „Вы выдумали, нагнали“ и т. п.» (РГАЛИ. Ф. 1627. Оп. 2. № 2. Л. 1).

¹⁶ Речь идет о четверых детях А. С. Глинки-Волжского, фотография которых сохранилась в архиве Розанова с его надписью: «Дети Глинки-Волжского» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 414. Л. 22). Розанов видел их в Петербурге в 1905 году.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-156-162

© Т. В. Мисникевич

«ЗАЧЕМ ТЫ ВНОВЬ МЕНЯ ТОМИШЬ, ВОСПОМИНАНЬЕ?..»: ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ П. ВЕРЛЕНА «NEVERMORE» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ Ф. СОЛОГУБА

Федор Сологуб занимался переводами на протяжении всего творческого пути, однако интенсивность его обращения к тому или иному автору была далеко не равномерной.¹ Это относится и к переводам из Поля Верлена, принесшим поэту подлинную переводческую славу. Большинство переводов Сологуб осуществил в 1893–1894 годах и включил их в первое издание своей верленианы;² в 1922 году он переработал часть из них, создав новые редакции, а также обратился к ряду новых стихотворений и выпустил второе, расширенное, издание, в которое вошли и ранние варианты.³

В 1890-е годы, в период становления Сологуба-поэта, переводы из Верлена нередко служили своего рода канвой для написания оригинальных текстов, расшатывая границу «своего» и «чужого». Сологуб работал чрезвычайно интенсивно, нередко создавая по несколько стихотворений в день; отдельные произведения в тетрадах с автографами складывались в плотный и спаянный «сверхтекст». С декабря 1893 года Сологуб по своей внутренней, далеко не всегда поддающейся дешифровке, логике, разграничивал его на отдельные блоки с помощью обозначения цифрами в хронологическом ряду, куда включались также переложения и переводы.⁴ Соответственно, довольно сложно опре-

¹ См.: Стрельникова А. Б., Филочева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 629–709.

² См.: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908.

³ Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. Пг.; М.: Петроград, 1923.

⁴ Подробнее см.: Мисникевич Т. В. Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. СПб., 2014. С. 699–745 (сер. «Литературные памятники»).

делить при постоянном чередовании переводов и оригинальных стихотворений (преимущественно в июне–августе 1893 и 1894 годов⁵), что именно для Сологуба являлось мотивацией выбора «роэме» Верлена: сугубо переводческий интерес или стремление выстроить/дополнить/обыграть собственный текст либо ряд текстов, составляющий какое-либо единство — смысловое, стилистическое, ритмическое. Тем показательнее примеры, когда перевод становится уникальным либо редким звеном в такой цепи. К ним относится перевод стихотворения Верлена «Nevermore» (сборник «Roèmes Saturniens», раздел «Melancholia»), выполненный 9 ноября 1895 года. Приведем его с указанием вариантов, зафиксированных в автографе:⁶

Зачем ты вновь меня томишь воспоминанье?⁷
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье⁸
Ложилось на леса в их желтом одеянье.⁹

Мы с нею шли вдвоем. Пленяли нас мечты.
И были волоса у милой развиты, —
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный, на взор ее тревожный
Я долго отвечал улыбкой осторожной,
И руку белую смиренно целовал.

— О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признанье лепетали!¹⁰

⁵ Согласно материалам рабочей тетради 1892–1894 годов, в 1893 году были осуществлены следующие переводы: «С голубых небес...», 13 июня; «Тесный светлый круг под лампой...», «Пока блестит твой бледный лик...», 19 июля; «Тебе мои стихи о ласке утешительной...», «Ну-тка, спляшем джигу!..», «Покорно приношу с цветами и плодами...», «Поцелуя боюсь...» («Я лобзанья боюсь...»), 25 июля; «Меня не веселит ничто в тебе, Природа...», 26 июля; «Не опасаясь ни лишений...», 31 июля; «Плешивый фавн из темной глины...», «У всякой раковины здесь...», 4 августа; «Мне кротко грезится под шепотом ветвей...», 6–7 августа; «Возлагать не будем друг на друга путы...», «В слезах моя душа...», 7 августа (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 38. Л. 2, 3–3 об., 4, 5–5 об., 6–6 об., 8–8 об., 204, 205–205 об., 209–213, 354–354 об., 362); в 1894 году — «Лунный свет» («С изысканно убранным садом...», «Твоя душа — как тот избранный вид...», «Твоя душа подобна для меня...» — 3 варианта), 8 июня; «Вчера среди ничтожных разговоров...», «Лети ты, песенка скорей...», 9 июня; «У вас, мой друг, терпенья нет ни мало...», 11 июня; «Мы — невинные творенья...», 12 июня; «Музыка, музыка прежде всего!..», «Почти боюсь — так сплетена...», 13 июня; «Был шумен бал, и скрипки с пеньем флейт сливали...», «Печаль без меры, без конца!..», «Розы были слишком красны...», 16 июня; «То будет жарким летом, в полдень ясный...», 18 июня; «Непорочна ты иль нет...», «Я не имею копейки медной за душой...», 19 июня; «Встает туман с реки, и тень деревьев тонет...», «С реки туман встает, как дым...» — 2 варианта, 2 июля; «Прошла зима, и теплое сиянье...», 3 июля; «Я враг обманам туалета...», 7 июля; «Она прелестна в свете нежном...», 11 и 17 июля; «Далек от ваших глаз, сударыня, живу...», 19 и 22 июля; «Одни, наивные, иль с вялым организмом...», 23 июля и 4 августа; «Был ветер так нежен, и даль так ясна...», 25 июля и 24 августа; «Зеленеют и краснеют...», 9 августа (Там же. Л. 1, 11, 13, 17–17 об., 19, 20–20 об., 27, 28, 29–29 об., 34, 35–39, 40–40 об., 64–64 об., 68–68 об., 79–79 об., 86–88 об., 103–103 об., 108–108 об., 116, 197, 198, 200).

⁶ См.: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. С. 15; Верлен П. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., испр. и доп. С. 11 (под заглавием «Никогда вовеки»). Впервые опубликован в журнале «Петербургская жизнь» (1897. № 264. 23 ноября. С. 2207); автограф: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 11. Л. 91 об., 94.

⁷ Зачем томишь меня ты вновь, воспоминанье?

⁸ а Бесшумно ворон <тлел?>, и бледное сиянье; б Бесшумно грач летел, и бледное сиянье.

⁹ Ложилось на леса в их грустном одеянье.

¹⁰ Когда ее уста признанья лепетали.

Оригинал

Souvenir, souvenir, que me veux-tu? L'automne
Faisait voler la grive à travers l'air atone,
Et le soleil dardait un rayon monotome
Sur le bois jaunissant où la bise détone.

Nous étions seul à seule et marchions en rêvant,
Elle et moi, les cheveux et la pensée au vent.
Soudain, tournant vers moi son regard émouvant:
«Quel fut ton plus beau jour?» fit sa voix d'or
vivant,

Sa voix douce et sonore, au frais timbre angélique.
Un sourire discret lui donna la réplique,
Et je baisai sa main blanche, dévotement.

— Ah! les premières fleurs, qu'elles sont
parfumées!
Et qu'il bruit avec un murmure charmant
Le premier oui qui sort de lèvres bien-aimées!

Подстрочник

Воспоминание, воспоминание, что ты хочешь
от меня? Осень
Заставляла дрозда лететь сквозь неподвижный
воздух,

А солнце бросало однообразный луч
На желтеющий лес, где холода/зима взрываются.

Мы были наедине и гуляли/шли, мечтая,
Она и я, волосы и мысли/намерения на ветру.
Внезапно/вдруг обратив на меня свой
трогательный/волнующий взгляд:
«Какой был твой самый прекрасный день?» —
произнес ее золотой живой голос,

Ее голос мягкий/нежный/сладостный,
как свежий ангельский колокольчик.
Сдержанная улыбка дала ей ответ,
и я набожно/благочестиво/с благоговением
целовал ее белую руку.

— Ах, первые цветы, какие они душистые/
благоухающие!
И пусть шумит очаровательным/милым шепотом
Первое «да», сорвавшееся с любимых губ/уст!

Попробуем понять причину «воспоминания» Сологуба об оставленном на довольно продолжительное время Верлене (напомним, что последний выполненный на тот момент перевод — стихотворения «Dans les boix», также из сборника «Poèmes Satureniens» — датирован 23 июля, 4 августа 1894 года). 1895 год — важнейший этап в творческой биографии Сологуба. В журнале «Северный вестник», с 7-го по 12-й номер, печатался его роман «Тяжелые сны»; в процессе публикации писатель продолжал работу над текстом произведения, подвергшимся серьезным вмешательствам цензуры и редакторов издания А. Л. Волынского и Л. Я. Гуревич.¹¹ Одновременно Сологуб готовил к выходу сборник «Стихи. Книга первая», представший на суд читателя и критики в декабре 1895 года. Его проза и стихи данного периода отличаются тематическим и образно-стилистическим единством, которое формировалось в контексте становления новых, модернистских тенденций в литературном процессе в России. Сологуб последовательно отстаивал свое право на «декадентство» как общее мировоззрение и творческий метод в прозе и лирике;¹² комментируя перипетии публикации «Тяжелых снов», он отметил в стихотворении «Свистали, как бичи, стихи сатиры хлесткой...» (24 марта 1895): «И, бледный декадент, всхожу я на ступени, / Где странно пред мной зазбылилися тени, <...> Смеясь моей мечте жестоко и злорадно, / Мне люди говорят, что тайна не разгадана, / Что мистицизм нелеп, что путь науки строг...»¹³ Придерживаясь твердой этической и эстетической позиции, Сологуб в то же время, очевидно, испытывал сомнения в собственном мастерстве; в письме от 15 августа 1895 года по поводу внесения правки в корректуру «Тяжелых снов» он поделился с Л. Я. Гуревич: «У меня, видите ли, уживаются два взгляда на свои писанья: хотя иное место мне самому и нравится, но, если его отмечают как неудачное, я начинаю в нем жестоко сомневаться. Иная красивая фраза, написанная с любовью, часто начинает мне (и без постороннего указания) казаться смешною и ходульною».¹⁴

Обращение посредством перевода к несомненному авторитету «нового» искусства — Полю Верлену — в этой связи представляется вполне закономерным, как и вы-

¹¹ Подробнее см.: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 110–145.

¹² См.: Сологуб Ф. Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 112–129.

¹³ См.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 229–231.

¹⁴ Сологуб Ф. Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому. С. 117.

бор стихотворения именно из сборника «Poèmes Saturniens». В этом первом сборнике Верлена, вышедшем в 1866 году и в значительной степени ориентированном на поэзию Бодлера, Сологуб мог найти самый широкий спектр декадентских мотивов, образов и настроений: имманентное присутствие в мире Зла, пессимистическое миро-восприятие, утомленность, усталость, меланхолия героя, блеклые (черные, серые), а также вызывающие тревогу тона (цвет пожара и крови), соединение душевного мира героя с миром природы. В образе возлюбленной на передний план выходит не чувственное, материальное, а духовное, уводящее от земного в иные сферы начало.¹⁵ Кроме того, в «Nevermore» присутствует одна из наиболее ярких черт верленовской лирики — импрессионистическое начало, «мерцание» смыслов и образов,¹⁶ которое отчасти пытался воплотить в своем творчестве и Сологуб.

Перевод встроен в хронологическую цепочку стихотворных текстов, начатую в конце июля 1895 года, и записан в рабочей тетради под номером 23. Его автограф снабжен подробным указанием на источник оригинала, в качестве заглавия — «Из П. Верлена. П. Nevermore. Из Melancholia. (Poèmes Saturniens. P. 13)»,¹⁷ и слева на полях: «Poèmes Saturniens. Melancholia». Очевидно, что перевод вполне достоверно передает общее содержание — навеянной созерцанием осеннего пейзажа лирической зарисовки-воспоминания о прогулке с возлюбленной в начале весны (обозначенной образом «первых цветов»), одновременно символизирующим зарождение любви героев). Это подтверждается и формальными показателями. Согласно методологии определения «меры точности» М. Л. Гаспарова, в переводе Сологуба сохранено 18 знаменательных слов подстрочника/оригинала (воспоминание, лес, шли, были, волосы, вдруг, голос — дважды, был, день, сладостный, белую, руку, целовал, первые, цветы, благоухающие, уст); 4 заменено однокоренными словами (осень — осенний, желтеющий — желтом, мечта — мечты, ответ — отвечал) — и эти 22 слова уже вполне воспроизводят сюжет и смысл стихотворения Верлена; 19 — контекстуальными синонимами (хочешь — томишь, неподвижный воздух — печальное молчанье, грач — ворон, лететь — неся, однообразный луч — бледное сиянье, бросало — ложилось, наедине — вдвоем, произнес — спросила, живой — звонким, золотой — небесной, сдержанная — осторожной, благочестиво — смиренно, шумит — звучал, милым шепотом — голос ангельский, «да» — признание, сорвавшееся — лепетали); 18 слов опущены (воспоминание, заставляла, солнце, холода, взрываются, мысли, на ветру, обратив, трогательный взгляд, прекрасный день, свежий, ангельский, колокольчик, дала, первое, любимых); 14 добавлены (вновь, день, хранил, вдаль, одеянья, пленяли, у милой, развиты, счастлив, чистоты, взор, тревожный, молча, нежно). Число слов перевода и подстрочника расходится незначительно: 55 и 59; показатель точности (18:59) — 30,5%, вольности (14:54) — 25,5%.

¹⁵ З. Венгерова отметила, что, наряду с очевидным влиянием парнасской школы, «в этом сборнике встречаются стихотворения совершенно иного характера, показывающие, что за внешней невозмутимостью автора кроется страстный темперамент поэта с болезненной тонкостью ощущений, с постоянными сомнениями и глубоким душевным разладом, поэта, ищущего новых художественных форм и поэтических образов для выражения своей внутренней тревоги» (Венгерова З. Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 121).

¹⁶ Для второго издания сборника Верлен написал предисловие «Критика „Сатурнических стихотворений“», которое не вошло в книгу (опубликовано 15 марта 1890 года в журнале «Revue d'aujourd'hui» («Современное обозрение»)), где отметил: «Тому, кто счел бы, что это стоит трудов, было бы несложно проследить наклонности, ставшие руслом <...> моего сегодняшнего стиля, моей манеры, а именно: уже чуть-чуть свободная версификация, анжамбеманы <...>, аллитерации, что-то вроде ассонансов, часто внутренних, рифмы, скорее редкие, чем богатые, временами намеренное или почти намеренное избегание точных слов. К тому же — печальный образ мыслей <...> Искренность и, наконец, моментальное впечатление, передаваемое буквально <...> Чем дальше читаешь, тем больше кажется, что между моими ранними и зрелыми вещами есть связь» (цит. по: Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1. С. 508 (сер. «Литературные памятники»)).

¹⁷ В библиотеке Сологуба сохранился экземпляр сборника «Poèmes Saturniens», по которому, по-видимому, осуществлен данный перевод; см.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 454.

Сологуб полностью сохранил строфику оригинала (сонет) и подобрал ритмическое соответствие французскому двенадцатисложнику — шестистопный ямб. Поэт (что в целом свойственно его переводам из Верлена) большое внимание уделил «звучанию». В стихотворении «Nevermore» ощущение грусти, вызванное угасанием осенней природы, передано с помощью гласной «о» — прежде всего в рифменных позициях первой строфы: *L'automne, atone, monotome, détone*.¹⁸ В переводе, особенно в начале текста, сохранены ассонансы и аллитерации оригинала: гласные «о», «и», согласные «м», «н», «л», «р», «ш». Отметим, что в первоначальном варианте стиха З Сологуб пытался подобрать фонетический аналог слову «*grive*» (дрозд) — *грач*.

Перевод явился вполне органичным звеном в ряду оригинальных стихотворений, посвященных условной возлюбленной, в сочетании с рассуждениями об онтологической сущности бытия, корреспондирующими с отдельными пассажами из текста мучительно пробивающих себе дорогу «Тяжелых снов», например: «Дорогие наряды...» (24–27 августа: «Проклинаю немую / Безучастность лица неземного, / И смотрю на тебя, роковую, / Ожидая последнего слова»), «Полно плакать, вытри слезы...» (11 сентября: «Полно плакать, — вытри слезы, / Побежим скорее в сад, — / Там нас нежно встретят розы, / Там навстречу нам березы / Зыбким смехом задрожат»), «Тихие взоры мерещатся мне в тишине...» (27 октября: «Тихо глаза опускающая большие, / В них безнадежно улыбку свою затая, / Тихо проходит, — и ноги босые бесшумно ступают...»), «Безотрадно тебя полюбя...» (27 октября: «Ты однажды прошла предо мной, / Вся закутана белой фатой / С головы наклоненной до ног. / Под фатой ты что-то несла»).¹⁹

Соотнесенность перевода с оригинальными текстами Сологуба по времени создания спровоцировала существенные семантические сдвиги. Поэт «скорректировал» текст Верлена в соответствии с собственными задачами.²⁰ В первой строфе, задающей тон стихотворению, точно переведено всего два слова (воспоминанье и лес), обозначающие мир человека и мир природы, и использовано однокоренное слово «осенний» (день — время лирического события). Переводческие замены: нейтрального глагола «хочешь» на маркирующий лирику и прозу Сологуба «томишь», дрозда, улетающего осенью, согласно законам природы, на ворона, несущегося в абстрактную «даль», естественные для осени «неподвижный воздух» и «однообразный луч» на «печальное молчанье» и «бледное сиянье» — окрашивали вполне нейтральную лирическую зарисовку в несвойственные ей «декадентские» тона. Однако благодаря им перевод естественным образом встроился в ряд оригинальных произведений, в частности, он не вступил в противоречие с образно-тематическим строем созданного днем ранее стихотворения:

Дневными лучами окован,
Дневную тоской очарован,

¹⁸ Подобную фонетическую организацию именно начала текста находим в стихотворении «Chanson d'automne» из раздела «Paysages tristes» того же сборника «Poèmes Saturniens», в его первой строфе: «Les sanglots longs / Des violons / De l'automne / Blessent mon coeur / D'une langueur / Monotone». Подробнее см.: Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символических // Багно В. Е. «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016. С. 225–236. Зинаида Венгерова отметила: «„Poèmes Saturniens“ замечательны более всего тем, что в них сказался реформатор поэтического языка, обладающий изумительно музыкальной душой и бесконечным богатством ритмов, могущих оттенять самые тонкие и самые сложные чувства и настроения. В этом первом поэтическом опыте Верлен разбивает строгую неподвижность классических размеров, видеоизменяет последовательность мужских и женских рифм, переставляет цезуру александрийского стиха и этими техническими приемами и преимущественным употреблением шести- и семисложных стихов создает новые и в высшей степени гармоничные музыкальные эффекты. Так, напр<имер>, в „Chant d'Automne“ короткие, но протяжные стихи с исключительно мужскими рифмами в конце производят впечатление заунывных звуков скрипки, которые символизируют для поэта меланхолию осени» (Венгерова З. Поэты-символисты во Франции. С. 121–122).

¹⁹ См.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 269, 271, 279, 281.

²⁰ Лексико-семантический анализ перевода в связи с мифопоэтикой творчества Сологуба см.: Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010. С. 74–80.

Я мрака напрасно ищу
И вечно грущу.
Что дорого сердцу и мило,
Ревнивое солнце сокрыло
Эфирною ризой своей
От слабых очей.
В безмолвии радостной ночи
К звездам ли подымутся очи, —
Отраден их трепетный свет,
Но правды в нем нет.
Спускаюсь ли в подземные ходы
Под мшистые древние своды, —
Является нечто и там
Пугливым очам.
Напрасно и очи закрою, —
Виденья плывут предо мною,
И даже глубокие сны
Видений полны.
Укроет от света могила, —
Но чтоб мне она ни открыла,
Тогда для неверного дня
Не станет меня.²¹

Напомним, что в центре внимания Сологуба в это время находился его «архидекадентский» роман «Тяжелые сны», в частности, 9 ноября, в день создания перевода, он обсуждал с Л. Я. Гуревич его отдельное издание. Писателя огорчало изъятие или корректировка тех или иных сцен, связанных с сюжетной линией главных героев — Василия Марковича Логина и Нюты (Анны) Ермолиной. Возможно, на перевод оказал ся спроецирован и текст романа: «Ее лучистые глаза доверчиво и нежно глянули на него, — и показалось Логину, что они смотрят прямо в его душу. И ответная чистая радость поднялась в нем и блеснула на миг в загоревшемся внезапно огне его мечтательно-утомленного взора»;²² «Густые косы вольными прядями рассыпались по белой одежде. <...> Стояли, и улыбались, и доверчиво глядели друг на друга. Прямо на ее лицо падали лучи луны, и под ними оно казалось бледно. Доверчивы и ясны были ее глаза, но сквозило в них тревожное и робкое выражение».²³

Вероятно, именно проведенная ранее Сологубом тщательная работа над прозаическим текстом позволила ему добиться в переводе «„четкости и скульптурности“ образов», которые видел в сборнике «Poèmes Saturniens» Валерий Брюсов и призывал сохранять в переводах».²⁴

Сам факт обращения к Верлену в 1890-е годы и характер работы Сологуба с текстом стихотворения «Nevermore» подтверждают, что он обнаружил в творчестве французского поэта четкие ориентиры для своих творческих поисков. Сологуб внес свой вклад в создание образа Верлена как знаковой фигуры для модернистской культуры в России и формирование его литературной репутации как ближайшего «предшественника» декадентства. Не случайно характер и тон публикаций о творчестве и личности

²¹ Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 1. С. 283.

²² Северный вестник. 1892. № 7. С. 135.

²³ Там же. № 11. С. 219.

²⁴ См.: Брюсов В. От переводчика // Верлен П. Собр. стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 10–11. М. Волошин, давая высокую оценку изданию Сологуба 1908 года, отметил, в частности, переводы из «Poèmes Saturniens»: «В этой книге нет ни одного слабого перевода. Но подлиннее других мне показались переводы: «Nevermore», «Grotesques», «La Chanson des ingénues», «Marine», «Она прелестна в свете нежном», «Лунный свет», «Слезы в сердце моем...», «Veams», «Я в черные дни не жду пробуждения...» (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 438–443 (сер. «Литературные памятники»)).

Верлена, в обилии появившихся в русской периодике в связи со смертью поэта 9 января 1896 года, вполне соответствовали тону рецензий на произведения Сологуба:

«Болезненный талант, плывущий без руля и ветрил, без всякого умышленного и нравственного компаса по мелкому и мутному морю личных ощущений»;²⁵

«Это жизнь, полная грязи и физической, и нравственной, полная пороков и заблуждений, но в то же время богатая покаянием и самобичеванием, богатая чудными порывами окрыленной души, никогда не терявшей детской непосредственности и в сущности даже чистоты»;²⁶

«Вся его пятидесятидвухлетняя жизнь прошла в оргиях, нищете, пьянстве, болезни и писании стихов; он переходил из кабака в тюрьму, где, по его собственным словам, содержался за все, кроме воровства, из тюрьмы в больницу и обратно, от скептицизма и порнографии к мистическому фанатизму и католическому ультрамонтанству, но всегда и везде оставался истинным поэтом»;²⁷

«...Он выпустил несколько поэм, отличавшихся изяществом формы, оригинальностью выражений, но в то же время и болезненностью настроения. Эта болезненность, доходившая до извращенности чувства, отличала собой и частную жизнь Верлена. <...> Верлена отличает именно желание актерствовать и часто навязывать себе же чувства, которых у него не было. Многие критики, однако, находят в таланте Верлена непосредственность и наивность».²⁸

Однако одновременно началось и преодоление подобных стереотипов. Тонкий знаток европейской культуры З. Венгерова дала Верлену прямо противоположную оценку: «В литературе Верлен по какому-то недоразумению считается главой школы, между тем как по существу он менее всего представитель какой-нибудь определенной формулы искусства. <...> Чуждый всякой догматичности, дерзновенно свободный в жизни и творчестве, Верлен примыкает к той исключительной категории поэтов, которые являются живым протестом против всего общепринятого, условного, ограниченного известным кодексом житейской морали».²⁹

Во многом благодаря Верлену и Сологуб смог перерасти ограничения изначально выбранной «формулы» и обрести подлинную творческую свободу.

²⁵ Н. К. [Русанов Н. С.]. Из Франции // Русское богатство. 1896. № 1. С. 128.

²⁶ Вестник иностранной литературы. 1896. № 2. С. 267.

²⁷ Исторический вестник. 1896. № 2. С. 712.

²⁸ Всемирная иллюстрация. 1896. № 1412. (17 февраля). С. 208.

²⁹ Венгерова З. Поль Верлен // Северный вестник. 1896. № 2. С. 271–272.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-162-182

© М. М. Павлова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. Н. ГИППИУС: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ (1920–1924) СТАТЬЯ 1

Жизненный путь второй по рождению из четырех сестер Гиппиус — Анны Николаевны (1875–1942), известной единичными публикациями в зарубежной печати,¹ по сей день остается недостаточно проясненным. Сведения о ее раннем (петербургском)

¹ В 1927 году в Париже в издательстве YMCA-Press вышла брошюра А. Н. Гиппиус «Святой Тихон Задонский: Епископ Воронежский и всея России чудотворец»; в 1928 году в газете «Последние новости» был опубликован ее рассказ «О кошке, которую звали собачкой» (№ 2690. 3 авг. С. 2); посмертно напечатан очерк «Обитель Соловецкая» (1926) — о соловецких чудотворцах Савватии и Зосиме (Возрождение. 1958. № 83. С. 13–26).